

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 23–28

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 23–28

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI

Научная статья

УДК 81'23'42

Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального
языкового и литературного образования, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Аннотация. С когнитивной точки зрения литературные жанры не существуют независимо от их восприятия, они должны быть каким-то образом воплощены в читательском сознании. Когнитивный подход к жанру предполагает в качестве одной из задач рассмотрение жанра как ментальной репрезентации. Согласно нашей гипотезе, эта репрезентация сочетает образный и пропозициональный способы кодирования информации. Не вызывает сомнений, что реконструкция ментальной репрезентации жанра в сознании читателя требует проведения экспериментального исследования. В настоящей статье обнародованы результаты анкетирования, проведенного среди студентов педагогических специальностей факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского университета и учащихся школ города Саратова. Данные эксперимента свидетельствуют, что представление о литературном жанре может опираться на кластерную модель: читатель выделяет ряд признаков, по которым идентифицирует жанр. Не менее актуальна прототипическая модель жанра: в сознании читателя принадлежность отдельного произведения к тому или иному жанру определяется его сходством с «наилучшим» жанровым образцом – эталоном, или прототипом. Количество таких эталонов не очень велико. Как правило, этот статус приобретают произведения, входящие в школьный литературный канон. В представлении читателя жанровые классы не являются образованиями с четкими границами. Они построены по признаку «фамильного сходства». Когнитивная модель жанра в сознании читателя обладает признаками поля. Проведение жанровых исследований когнитивной направленности требует разработки специальной анкеты, учитывающей уровень обычного (наивного) читателя, нефилолога.

Ключевые слова: литературный жанр, наивный читатель, ментальная репрезентация, эмпирическое исследование, когнитивная модель жанра

Для цитирования: Тарасова И. А. Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 23–28. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Literary genre in the mind of the reader: Empirical approach

I. A. Tarasova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Tarasova, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Abstract. From a cognitive point of view, literary genres do not exist regardless of their perception; they should be embodied in the reader's mind. The purpose of cognitive genre study is to consider genre as a form of mental representation. According to our hypothesis, this representation combines figurative and propositional ways of encoding information. There is no doubt that the reconstruction of the mental representation of the genre in the mind of the reader requires an experimental study. This article publishes the results of a pilot experiment conducted among university students of pedagogical specialties of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education of Saratov University and school students of Saratov. The experimental data show that the representation of the genre in the mind of the reader can be based on the cluster model

which suggests that the readers define a number of features by which they identify the genre. The prototype model of the genre is no less relevant: belonging of a particular work to a particular genre is determined in the mind of the reader by its similarity with the best genre model – a standard (or a prototype). The number of such standards is not very large. As a rule, this status is acquired by works that are included in the school literary canon. In the reader's mind, genre classes are not formations with clear boundaries; rather, they are more likely to be built on the principle of "family resemblance". The cognitive model of a genre in the mind of the reader has certain features of a field. Conducting cognitive genre research, i.e. identifying ways of representing the genre in the mind of a reader requires the development of a special questionnaire that takes into account the level of the ordinary (naive) reader who is not a philologist.

Keywords: literary genre, naive reader, mental representation, empirical research, cognitive model of the genre

For citation: Tarasova I. A. Literary genre in the mind of the reader: Empirical approach. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 23–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

В предыдущих работах нами высказано утверждение, что когнитивный подход к жанру предполагает создание гипотетической модели жанра, существующей в сознании читателя [1: 89]. Поэтому одна из задач когнитивной жанрологии – рассмотреть жанр как форму ментальной репрезентации, своего рода ментального шаблона, позволяющего отождествлять с жанровым образцом новые литературные произведения, появляющиеся в зоне читательского опыта.

Ментальная репрезентация – это единица представления реального или вымышленного мира в сознании человека, замещающая в процессе когнитивной обработки реальные или идеальные объекты. Иными словами – это тот способ, каким представляется субъекту окружающая действительность, социальные и культурные факты. Формы ментальной репрезентации могут быть различными: картинка, пространственная схема, комбинация чувственно-эмоциональных впечатлений, категорильная интерпретация. Основными типами репрезентаций являются образные (аналоговые, картиноподобные) и пропозициональные (признаковые, логические). Мы предположили, что жанры могут быть представлены в читательском сознании средствами этих двух кодов.

Однако чтобы определить реальный статус жанровой формы в сознании читателя, необходимо проведение широкого круга экспериментальных исследований феноменологической направленности, понимая под ними, вслед за R. Sokolowski, «изучение человеческого опыта и способов, какими вещи представляют себя нам в и через такой опыт¹» [2:2].

Подведение феноменологической базы под когнитивные исследования является трендом когнитивной науки последнего десятилетия. Так,

по убеждению J. Zlateva, когнитивная лингвистика должна возвратиться к своим эмпирическим истокам: "the focus of Cognitive Linguistics can be brought back to experience, albeit in a more mature manner than 30 years ago" [3]. Экспериментальное исследование не чуждо и современной жанрологии, поскольку она задается вопросом о жанровом мышлении и речевом жанровой компетенции [4]. В то же время, как отмечает В. В. Деметьев, «цельная речевая картина как часть ЯКМ <...> пока что никем из исследователей не была реконструирована» [5: 194]. Кроме того, жанровая составляющая – необходимый компонент литературоведческой и читательской компетенции. Однако ответ на вопрос, о чем мы должны спросить читателя, чтобы реконструировать ментальную репрезентацию жанра в его сознании, пока не найден. Возможно, описание первых шагов в исследовании жанрового сознания читателей подскажет пути решения этой проблемы, поможет обозначить зону дальнейших поисков.

Цель и содержание эксперимента

Одна из самых интересных методик, ориентированных на взаимодействие читателя с жанром, представлена во внушительном опросном листе, разработанном Даниелем Чендлером и включенном в его «Введение в теорию жанров» [6]. Пять десятков направляющих вопросов разбиты на три блока (Общие вопросы; Модус адресации; Отношения с другими текстами). Чтобы создать представление об уровне вопросов, приведем некоторые из них: To what genre did you initially assign the text? What is your experience of this genre? Have you found any formal generic labels for this particular text (where)? What purposes does the genre serve? In what ways are these purposes embodied in the text? What sort

¹В оригинале: "the study of human experience and of the ways things present themselves to us in and through such experience".

of audience did you feel that the text was aimed at (and how typical was this of the genre)?

К сожалению, подобные вопросы не могут быть использованы для реконструкции модели жанра в читательском сознании.

Во-первых, они адресованы искушенным читателям, филологам. Попытки использовать их в качестве методических указаний, обращенных к нефилологической аудитории², регулярно заканчиваются провалом: студенты изначально делают неверное предположение о жанровой принадлежности текста, а затем все последующие ответы выводят из этой неверной посылки. Создается ощущение, что наивный читатель оперирует очень небольшим перечнем жанров, не нуждаясь в детализации. Так, все небольшие прозаические тексты разной жанровой природы (басни, притчи, эссе, стихотворения в прозе и др.) регулярно опознаются как *рассказ*. Для поэтических текстов такой генерализирующей формой выступает *стихотворение*. Тексты большого объема для подобного эксперимента не подходят.

Во-вторых, предлагаемые Д. Чендлером вопросы ориентированы на конкретный текст, который должен «вывести» на жанр (индуктивный путь), мы же задаемся вопросом о воплощении в сознании читателя жанровой формы как таковой. Вот почему акцент был сделан на вопросах общего плана.

Цель анкеты: определить состав жанровых имен в сознании читателя, выявить степень актуальности жанровой характеристики и читательские жанровые предпочтения.

Для пилотного эксперимента были предложены 5 вопросов: *Какие жанры литературы вы знаете? Какой литературный жанр вы больше всего любите? Почему? Назовите «образцовое» произведение этого жанра. Что для вас важнее в процессе выбора книги – жанр или автор? Как вы определяете жанр книги?*

В эксперименте принимало участие 90 человек – студентов-педагогов дошкольного и начального образования. Испытуемые занимают срединное положение на шкале искушенный/наивный читатель. Некоторые теоретические знания о жанрах они получили в школе; жанровая проблематика затрагивается в курсах детской литературы и методических дисциплин, однако навыками жанрового анализа текста студенты не обладают. Можно сказать, что это «обычные», «рядовые» читатели.

Вопросы предъявлялись в письменной форме. Время ответов не ограничивалось, но реально испытуемым потребовалось 15–20 минут для ответов на все вопросы.

Ответы испытуемых свидетельствуют, что для современных читателей жанр оказывается актуальным понятием. На него в процессе выбора книги ориентируется две трети опрошенных. Еще десять человек заявили о равенстве критериев автор/жанр.

Второй письменный опрос проводился среди учащихся 3–7-х классов саратовских школ и студентов первого курса. В нем приняло участие 115 человек. Цель эксперимента: выявить жанрообразующие признаки в сознании читателя (на примере жанра фэнтези), количество и состав жанровых эталонов.

На основе проведенного эксперимента можно предложить несколько жанровых моделей.

Полевая модель жанровых предпочтений

Для общей картины представления жанра в сознании читателя наиболее удобна полевая модель. Вопрос *Какие жанры литературы вы знаете?* позволяет оценить знаниевый компонент жанровой компетенции; вопрос *Какой литературный жанр вы больше всего любите? Почему?* ориентирован на получение данных о реальном взаимодействии с тем или иным жанром (эмпирический компонент жанровой компетенции) и его оценку.

Присущее полевым структурам деление на ядро, центр и периферию позволило выделить по результатам эксперимента три зоны:

- периферию формируют жанры, которые в принципе знают читатели, но называют далеко не все (в эту зону попали жанры, упоминаемые в анкетах менее 15 раз);
- в центральной части поля размещаются жанры, встречающиеся фактически в каждой анкете;
- в ядерную зону попадают жанры, с которыми читатель активно взаимодействует.

Периферия поля довольно обширна. Всего было названо более 50 жанров, в каждом опросном листе содержалось 10–15 жанровых наименований.

Безусловным лидером списка является роман (он упомянут 86 раз), за ним следуют рассказ (66) и повесть (65). Таким образом, верхние позиции списка занимают прозаические жанры. Поэму назвали 56 испытуемых, сказку – 54. Басня упомянута 42 раза, ода – 39. Компактную группу образуют драматические жанры: комедия (31), драма (24), трагедия (21). Закрывают список самых частотных жанров детектив (22) и стихотворение (18). Эти жанры размещаются в центральной части жанрового поля.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что жанровые классификации про-

²Такие попытки неоднократно предпринимались в рамках дисциплины «Формирование филологической компетенции младших школьников» (программа магистратуры «Начальное образование»). В магистратуре учатся выпускники бакалавриата различных факультетов, чаще всего – негуманитарных.

дятся «поверх барьеров» индивидуального/коллективного творчества: наряду с литературными жанрами в анкетах встречаются жанры фольклора (былина – 15, миф – 8, легенда – 7, единичны упоминания малых фольклорных жанров – считалки, загадки, былички, пестушки и др.). Не определен статус сказки – фольклорная или литературная, она упоминается более чем в половине опросных листов. В результате жанровое поле имеет непрерывный характер.

В двух анкетах представлены попытки соотнести жанр и род: «эпические: роман, эпос, рассказ; лирические: поэма, баллада; драматические: трагедия, комедия». Но, как видно из приведенной анкеты, жесткого соотношения род – жанр в читательском сознании нет. 9 раз наряду с жанрами упомянут литературный род – эпос. В одной анкете вместо жанров названы 3 рода: эпический, лирический и драматический. В одной анкете в качестве жанра упомянута «проза».

Из лирических жанров регулярно называется поэма и такой достаточно аморфный жанр, как стихотворение (иногда с уточнением: лирическое стихотворение). Специфические лирические жанры элегии и сонета упомянуты 7 и 4 раза соответственно. В верхней части списка находится лиро-эпическая баллада (14 упоминаний).

Скорректировать представление о структуре жанрового поля в сознании современных читателей позволил вопрос о любимом жанре. В ответах четко просматривается «прозаическая» доминанта современного жанрового сознания: верхнюю строчку вновь занимает роман, за ним следуют детектив, фэнтези, фантастика, рассказ.

Перечень любимых жанров, т. е. жанров, с которыми реально взаимодействует читатель, существенно (примерно в 5 раз) короче, чем список жанров, о которых он теоретически знает. Жанровое ядро оказывается довольно компактным. Оно центрируется романом как самым популярным современным жанром. Выбравшие роман смогли более-менее внятно сформулировать свои читательские предпочтения, в которых доминирует эмоциональный компонент переживания жанра. Приведем характерные ответы:

- Я получаю бурю эмоций. Выбираю себе героя, который ближе мне по духу, переживаю и не могу уснуть, пока не узнаю продолжения;
- это произведения со сложным сюжетом, описывают чувства и мысли героев, можно проследить их эмоциональное состояние;
- в романе можно пронаблюдать не только за событиями, но и за персонажами и их линиями;

- они вовлекают в свой мир с головой;
- роман изображает жизнь человека, спектр его чувственно-эмоциональных переживаний;
- в этом жанре живут чувства, которые вовлекают меня в мир эмоций;
- время протекает незаметно, когда погружаешься в события книги;
- роман – чтение для тех, кто любит уйти от реальности в чужую жизнь, заглянуть за кулисы и понять чуть больше.

Объяснения читателей коррелируют с выводом, сделанным L. Zunshine в книге “Why we read fiction?” [7]: чтение активизирует нашу ментальную способность понимать чужое сознание, создавать метареферентии психических состояний.

По результатам эксперимента можно утверждать, что компактен не только набор актуальных жанров, но в еще большей степени – набор типичных образцов этого жанра, жанровых эталонов (или – в когнитивной терминологии – прототипов³). Наиболее часто встречаются 4 произведения русской классической литературы:

«Война и мир» Л. Н. Толстого,

«Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова,

«Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского,

«Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Из романов зарубежных авторов несколько раз упомянуты «Годость и предубеждение» Д. Остин, «Унесенные ветром» М. Митчел, «Триумфальная арка» Э. Ремарка. Есть вероятность, что популярность первых двух романов объясняется их удачными экранизациями.

В целом же состав жанровых эталонов заставляет задуматься о роли школьного литературного канона в формировании жанрового сознания молодого читателя, о культурной обусловленности жанровых предпочтений.

Жанровая форма в сознании читателя

Следующий вопрос: как читатель идентифицирует тот или иной жанр?

Признаки жанра теоретически можно включить в состав различных моделей.

Фреймовая модель жанра отражена в известной работе Т. В. Шмелевой, где фреймовые слоты суть пункты анкеты, предъявляемой жанру и включающей шесть параметров, в которые укладывается фактически любой речевой жанр [8]. Нами доказана потенциальная применимость этой модели к описанию литературного жанра, хотя некоторые пункты анкеты требуют «расширения». Так, к образам субъекта

³Под прототипом в когнитивных исследованиях понимается образ, являющийся наилучшим представителем данной категории, вокруг которого группируются все другие входящие в эту категорию элементы. Получить представление о категории можно не только через описание ее категориальных свойств, но и через ее образец, когда прототип мыслится скорее как целостность, нежели как пучок признаков [10: 107].

и адресата речи добавляется образ героя; диктумное содержание через тематику соотносится с жанровой картиной мира; временной параметр является отправной точкой для осмысления понятия хронотопа [9].

Однако из этих параметров, предложенных на выбор испытуемым, были отмечены только четыре: содержательный (тематика) – встречается в абсолютном большинстве анкет, образ героя (29), языковые особенности (19) и временной (его отметили 8 человек). 51 человек руководствуется обозначением жанра на титульном листе, 24 – ориентируются на фамилию автора.

Эти декларативные утверждения подлежали проверке на материале конкретного жанра – фэнтези. Испытуемым предлагалось ответить на вопросы о признаках фэнтези, об отличии этого жанра от фантастики и сказки, его целевой аудитории. Так как анкета была адресована в первую очередь школьникам, вопрос об эталоне по сравнению с анкетой для студентов был видоизменен: *Какое фэнтезийное произведение вы бы посоветовали прочитать другу, чтобы он понял, что такое фэнтези?*

Жанровые признаки, оказавшиеся актуальными для читателей фэнтези, сложно организовать во фрейм, скорее, это кластер⁴ из некоторого набора элементов, которые можно упорядочить по частоте встречаемости в анкетах:

- нереальность или необычность сюжета (17% опрошенных);
- магия и вымышленные существа (15%);
- сверхспособности героев (9%);
- наличие отдельной вселенной (8%).

Отметим, что последний признак указывается как жанрообразующий и в литературоведческих работах, и в трудах основателя жанра Дж. Р. Р. Толкиена [11], но он актуален только для 8% читателей.

Соотносимость жанровых признаков в читательском и исследовательском сознании – тема отдельного изучения, которая здесь может только быть поставлена. Предварительно можно сказать только одно: читательское представление о жанре не может быть описано при помощи инвариантной модели, представленной в концепции В. И. Тюпа [12]: наивный читатель не обладает ни могучими аналитическими способностями литературоведа, ни его знаниями об истории жанра. Он классифицирует произведения на основе своего читательского опыта, который порою очень ограничен. Образцы анкет содержат интересные значимые отличия фэнтези от сказки и фантастики (фэнтези охватывает целый мир, фэнтези имитирует прошлое,

фантастика – будущее, фэнтези претендует на историчность), но их смогли сформулировать только 33% опрошенных в паре фэнтези/сказка и 17% опрошенных в паре фэнтези/научная фантастика. «Недостоверность» происходящего становится определяющей чертой, нивелирующей различия между этими жанрами. В то же время группировка произведений на основе отдельных, «выступающих» (салиентных) признаков приводит к отнесенности к фэнтезийным произведениям «Вия» и «Мастера и Маргариты» (в 2 анкетах). Читатель, в отличие от литературоведа, воспринимает произведение в отрыве от литературного процесса, осуществляя «обратное проецирование» популярного жанра на предшествующий период. Восприятию указанных произведений в фэнтезийном ключе способствуют их вольные экранизации, в которых акцент сделан на экшн- и хоррор- составляющих. Таким образом, границы жанрового поля оказываются размытыми.

Как и в случае с эталонами романного жанра, количество прототипических произведений жанра фэнтези невелико. Чаще всего называются «Гарри Поттер» Дж. Роулинг, «Властелин колец» Дж. Р. Толкиена, «Хроники Нарнии» К. Льюиса. С учетом первого опроса к ним можно добавить «Ведьмака» А. Сапковского.

Ограниченный характер жанровых эталонов, их безусловная разделяемость членами читательского сообщества заставляют задаться вопросом: не является ли жанровый прототип тем истинным ядром, вокруг которого группируются жанровые представления? Чем он является по формату кодирования: схемой сюжета, образным представлением, гештальтом? Гипотеза об образном кодировании жанровой информации требует дальнейшей экспериментальной проверки.

Выводы

Представление жанра в сознании читателя опирается на кластерную модель: читатель выделяет целый ряд признаков, по которым идентифицирует жанр. Это вовсе не обязательно те признаки, на которые указывают теоретики жанра. Соотносимость жанровых признаков в читательском и исследовательском сознании – тема отдельного исследования.

Признаковая модель жанра отсылает к пропозициональному способу кодирования жанровой информации. Образный способ кодирования информации в представлении жанра проявляется в отождествлении жанровой формы с конкретным, «наилучшим» образцом жанра – жанровым эталоном (прототипом). Количество таких эта-

⁴См. определение кластера как «пучка характеристик, которые в целом ряде произведений воспроизводятся комплексно <...> Кластер – это эмпирическое обобщение, ориентированное на максимальное количество значимых признаков (не только константных, но и факультативных)» [12: 16].

лонов невелико. Как правило, этот статус приобретают произведения, входящие в школьный литературный канон.

В представлении читателя жанровые классы не являются образованиями с четкими границами, они построены по признаку «фамильного сходства». Отнесение к жанру осуществляется на основе сравнения с жанровым эталоном и обнаружения общих, порою периферийных

признаков, в результате чего жанровая структура приобретает черты поля. При этом можно говорить о двояком применении полевой модели: для жанровой формы в сознании читателя и для схемы жанровых предпочтений.

Проведение жанровых исследований когнитивной направленности требует разработки специальной анкеты, учитывающей уровень обычного (наивного) читателя, нефилолога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88–95. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>
2. Sokolowski R. *Introduction to phenomenology*. New York : Cambridge University Press, 2000. 247 p.
3. Zlatev J. Turning back to experience in Cognitive Linguistics via phenomenology // *Cognitive Linguistics*. 2016. Vol. 27, iss. 4, pp. 559–572.
4. Седов К. Ф. Дискурс и личность. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
5. Дементьев В. В. О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре» в НКРЯ // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 193–202. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202>
6. Chandler D. *An Introduction to Genre Theory*. URL: https://faculty.washington.edu/farkas/HCDE510-Fall2012/Chandler_genre_theory (дата обращения: 13.02.2022).
7. Zunshine L. *Why we read fiction: Theory of Mind and the Novel*. Columbus: The Ohio State University Press, 2006. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupid?key=olbp70068>
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
9. Тарасова И. А. Жанр: к проблеме кроссдисциплинарного инварианта термина // Языковое сознание. Речевая коммуникация: материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 200–205.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Винтерле И. Д. Феномен незавершенности в раннем творчестве Дж. Р. Толкиена и проблема становления концепции фэнтези : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 24 с.
12. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М. : Интрада, 2013. 211 с.

REFERENCES

1. Tarasova I. A. Genre in cognitive perspective, *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

2. Sokolowski R. *Introduction to phenomenology*. New York, Cambridge University Press, 2000. 247 p.

3. Zlatev J. Turning back to experience in Cognitive Linguistics via phenomenology. *Cognitive Linguistics*, 2016, vol. 27, iss. 4, pp. 559–572.

4. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost'* [Discourse and personality]. Moscow, Labirint, 2004. 320 p.

5. Dementyev V. V. About the place of the concept of “genre” in language competence: On the material of expression “in Genre...” in the Russian National Corpus. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 193–202 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202>

6. Chandler D. *An Introduction to Genre Theory*. Available at: https://faculty.washington.edu/farkas/HCDE510-Fall2012/Chandler_genre_theory (accessed February 13, 2022).

7. Zunshine L. *Why we read fiction: Theory of Mind and the Novel*. Columbus, The Ohio State University Press, 2006. Available at: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupid?key=olbp70068> (accessed February 13, 2022).

8. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Speech Genres: Coll. of sci. arts*. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

9. Tarasova I. A. Genre: To the problem of the cross-disciplinary invariant of the term. In: *Iazykovoje soznanie. Rechevaia kommunikatsiia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora V. E. Gol'dina* [Linguistic Consciousness. Speech Communication: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Professor V. E. Goldin]. Saratov, ITs “Nauka”, 2020, pp. 200–205 (in Russian).

10. Kubriakova E. S. *Iazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 560 p. (in Russian).

11. Vinterle I. D. *The phenomenon of incompleteness in the early works of J. R. Tolkien and the problem of the formation of the concept of fantasy*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nizhnii Novgorod, 2013. 24 p. (in Russian).

12. Тюпа В. И. *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada, 2013. 211 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 08.04.2022
The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 08.04.2022